

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России

Резюме. Статья посвящена исследованию пространственно-временных аспектов юридической онтологии в контексте научно-технологического развития России. Автор исходит из того, что современная технологическая динамика, характеризующаяся экспоненциальным ускорением инновационных циклов и системной неопределенностью последствий, формирует принципиально новую техносоциальную и правовую реальность, требующую глубокого теоретического осмысления. Темпоральная асимметрия между скоростью технологических изменений и инерционностью правового регулирования обостряет проблему догоняющего характера права и ставит задачу выработки механизмов опережающей адаптации. Одновременно пространственная асимметрия научно-технологического потенциала России, усиленная устойчивым стереотипом восприятия территории как бремени, ведет к сверхконцентрации научных центров и научному опустыниванию периферии, что углубляет социально-территориальную стратификацию и ослабляет совокупный инновационный потенциал страны. В работе обосновывается необходимость формирования особого проективно-адаптивного режима правового регулирования, который сочетает императив сохранения связи с прошлым через фундаментальные принципы и ценности (выступающие темпоральными инвариантами), синхронное регулирование текущих технологических практик и конструирование будущего посредством правильно понимаемого опережающего регулирования. Раскрывается онтологический смысл последнего: не как предугадывания будущих отношений, а как установления в настоящем гибких регулятивных рамок, способных вместить различные сценарии технологического развития. Рассматриваются конкретные инструменты такого регулирования: сценарное правотворчество, экспериментальные правовые режимы, адаптивные нормативные конструкции, ревизионные процедуры. Особое внимание уделяется роли правовых принципов, ценностей и фикций как темпоральных стабилизаторов, обеспечивающих целостность правопорядка в условиях высокой неопределенности.

Ключевые слова: юридическая онтология; научно-технологическое развитие; опережающее регулирование; пространственная асимметрия; темпоральная адаптация; правовые принципы; технологическое лидерство

Для цитирования: Кабышев С. В. Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

The Spatiotemporal Dimension of the Legal Ontology of Russia's Scientific and Technological Development

Sergey V. Kabyshev

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the spatiotemporal aspects of legal ontology in the context of Russia's scientific and technological development. The author proceeds from the premise that contemporary technological dynamics — characterized by the exponential acceleration of innovation cycles and systemic uncertainty regarding their consequences — are generating a fundamentally new technosocial and legal reality that requires profound theoretical reflection. The temporal asymmetry between the pace of technological change and the inertia of legal regulation exacerbates the problem of law's «catch-up» character and necessitates the development of mechanisms for anticipatory adaptation. At the same time, the spatial asymmetry of Russia's scientific and technological potential, reinforced by the persistent stereotype of perceiving territory as a «burden», results in the overconcentration of research centers and the scientific «desertification» of the periphery, thereby deepening socio-territorial stratification and weakening the country's overall innovation capacity. The paper substantiates the need to develop a distinct projective-adaptive regime of legal regulation that integrates the imperative of maintaining continuity with the past through fundamental principles and values (serving as temporal invariants), the synchronous regulation of current technological practices, and the construction of the future through properly conceived anticipatory regulation. The paper elucidates the ontological meaning of anticipatory regulation not as the prediction of future legal relations, but as the establishment, in the present, of flexible regulatory frameworks capable of accommodating multiple scenarios of technological development. The study examines specific instruments for implementing such regulation, including scenario-based lawmaking, experimental legal regimes, adaptive normative structures, and review procedures. Particular attention is devoted to the role of legal principles, values, and legal fictions as temporal stabilizers that ensure the coherence and integrity of the legal order under conditions of heightened uncertainty.

Keywords: legal ontology; scientific and technological development; advanced regulation; spatial asymmetry; temporal adaptation; legal principles; technological leadership

Cite as: Kabyshev SV. The Spatiotemporal Dimension of the Legal Ontology of Russia's Scientific and Technological Development. *Lex russica*. 2026;79(4):9-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

Введение

Современное научно-технологическое развитие влечет формирование новой правовой реальности и рациональной картины мира, которые не имели исторических аналогов и нуждаются в глубоком научном осмыслении¹. Одна из принципиальных его черт — экспоненциальное ускорение, которое существенным образом влияет на роль временного фактора в праве, обостряет ряд давно существующих проблем правовой регуляции и выявляет их в новом качестве. Цикл «открытие — разработка — внедрение» сократился с десятилетий до месяцев, тогда как право сохраняет существенную инерцию подходов, сложившихся в индустриальную эпоху. Эта темпоральная асимметрия не является уникальной для современности: она проявлялась и ранее, в

частности в регулировании атомной энергетики, генной инженерии, информационных технологий. Однако масштаб и повсеместность технологической экспансии превращают проблемы локального отставания правового регулирования в системный вызов, требующий осмысления и преодоления.

Право всё чаще функционирует в режиме постоянно догоняющего реагирования, что ставит задачу разработки методологии и механизмов опережающей адаптации. Сложность задачи коррелирует с системной неопределенностью как онтологической характеристикой формирующейся техносциальной реальности, в которой долгосрочные последствия новых технологий, тем более кумулятивный эффект их одновременного развития, не поддаются точному прогнозированию (что ни в коей мере

¹ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2025. С. 17.

не снимает задачу прогнозирования права будущего²).

Основная часть

Темпоральные проблемы современного правового регулирования сосуществуют и сопрягаются с пространственно-территориальным вызовом научно-технологического развития. Пространственная асимметрия научно-технологической сферы России носит исторически обусловленный характер, но в период постсоветской трансформации, породившей масштабные структурные разрывы и дисбалансы в экономике, она стала зоной повышенного стратегического риска. В политико-правовом обиходе сложился (пусть не доминирующий, но распространенный) стереотип понимания пространственного фактора как проблемы, обременения, заставляющий мыслить в логике минимизации издержек, а не максимизации возможностей.

Это провоцирует стягивание и сверхконцентрацию научно-технологического потенциала в нескольких агломерациях, создающие иллюзию эффективности за счет экономии на масштабе, и научное опустынивание обширных территорий с сопутствующими угрозами устойчивому развитию. Территории, не обладающие развитой научной инфраструктурой, оказываются одновременно в стороне от процессов активной правовой институционализации научно-технологического прогресса (включая качественную экспертизу), что воспроизводит и углубляет отставание, препятствует созданию благоприятных условий для стимулирования наукоемких производств. Социально-антропологическим следствием такого подхода является формирование устойчивой социально-территориальной стратификации с существенным диапазоном стартовых и функциональных возможностей, в частности доступа к знаниям, профессиональной реализации и привлечения капитала. Парадокс заключается в том, что оголение периферии в кадровом отношении ведет к ослаблению возможностей использовать уникальные компетенции, которые могли бы развиваться только в связи с конкретной локальной спецификой.

Изменения и риски, возникающие в пространственно-временной плоскости правовой онтологии научно-технологического развития, сопровождаются ростом энтропийных факторов в самой системе права и механизме правового регулирования. Дело не только в том, что параметры регулирования меняются быстрее, чем формируются регуляторные решения, а в том, что неопределенность становится, по существу, уже не внешним вызовом, но внутренним условием правового существования, требующим развития представлений о правосубъектности, юридических фактах, юридической ответственности и т.п. Использование современных цифровых технологий ставит ряд вопросов и на уровне понимания традиционных форм реализации права в том смысле, что происходит фактическое делегирование части полномочий лица определенным программным средствам, которые начинают действовать и порождать юридические последствия для такого лица независимо от его воли, а иногда и вопреки ей³. Ответом на гипердинамизм как характеристику техносциальной реальности нередко становятся попытки дальнейшего наращивания формальной юридизации посредством расширения объема и предметного охвата позитивного права. Возникают и новые регулятивные источники, включая алгоритмическое регулирование (машинный код как норма).

Так, сложность и динамика процессов научно-технологического развития стимулируют радикальное усиление делегированного законодательства (не просто подзаконного, а узковедомственного), которое воспринимается как более оперативное, специализированное и сопряженное с конкретно-отраслевыми потребностями и экспертизой. Оно, однако, не обладает легитимностью уровня народного представительства и носит функционально-партикулярный характер. Алгоритмическое регулирование формирует новый тип нормы, не обусловленной ни ценностно-побудительными установками, ни принуждением, а технологически исключаящей иное поведение. Эти и другие тенденции в динамике правового регулирования ведут к возникновению коллизионной лавины, затрагивающей идейно-доктриналь-

² Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023.

³ Амелин Р. В., Чанов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. С. 9.

ные, догматические, юридико-технические, дисциплинарно-отраслевые и иные аспекты (уровни). Под угрозой оказывается способность права выступать системообразующим, интегративным и главенствующим институтом социальной регуляции, обеспечивающим определенность отношений в актуальном контексте.

В этих условиях должна играть особую роль фундаментальная юриспруденция, ослабление которой само по себе становится метапроблемой. Нельзя не согласиться с тем, что для современной российской юриспруденции характерны «глубокая заморозка» теоретического знания, стремление избавиться от критической и методологической рефлексии в пользу практикоориентированности⁴. Между тем очевидно, что правовая организация практики неразрывно связана с необходимостью системного переосмысления фундаментальных категорий времени и пространства в контексте правовой онтологии научно-технологического развития. Традиционная правовая онтология, оперирующая сложившимися представлениями о нормативной устойчивости (стабильности), локализованности, субъектной идентичности, в новых реалиях дает сбой. Задача юридической науки — предложить адекватные вызовам времени онтологические модели (способы описания бытия права), которые позволят праву оставаться эффективным регулятором, сохраняющим свою гуманистическую сущность и обеспечивающим единство и развитие технологического пространства.

Адаптация права к реалиям научно-технологического развития требует уточнения темпоральной модели правового регулирования. Хотя было бы ошибкой утверждать, что классическое право строилось в подчинении логике темпорального монизма и концептуально обуславливалось прошлым (через нормативные или прецедентные формы реагирования на свершившиеся факты), право прежних эпох, безусловно, решало стоящие перед ним задачи в основном исходя из представления о будущем как относительно предсказуемом продолжении настоящего, проистекающего из прошлого.

В обычных (ординарных) условиях право черпало нормативный материал из сложившихся социальных практик, ожиданий и устоявшихся институтов. Так, Н. П. Загоскин связывал

с историей национального государства и права возможность «заглянуть вперед в жизнь народа» и «исходя от прошедшего и настоящего, предугадать будущее»⁵. Исследуя нормативную практику с точки зрения закономерностей построения правовой системы как целостности, как отмечала Р. О. Халфина, можно прогнозировать воздействие нормы на общественные отношения⁶. В экстраординарных же условиях, связанных прежде всего с революционными событиями и учреждением нового социального порядка, право хотя и приобретало выраженный преобразовательный характер, ориентированный на разрыв с прошлым, но в соответствии с возобладавшей социально-политической волей, которая оставляла простор для субъективной гибкости.

Следует отметить, что при определенном сходстве правового контекста современной ситуации научно-технологического развития с революционным правотворчеством (масштаб преобразований, появление принципиально новых социальных феноменов, потребность в новых системообразующих актах) есть и существенные различия. Это, например (но, конечно, не только), скорость и характер изменений (научно-технологическое развитие — перманентный, не имеющий единого центра управления и в значительной степени объективный, а не социально-конструктивный процесс), отсутствие единого программно-целевого проекта (научно-технологическое развитие реализуется посредством формирования разнородных технологических возможностей, дающих в отдельности и тем более в совокупности слабо прогнозируемые социальные эффекты), распределенность изменений (даже при основной, руководящей роли государства научно-технологическое развитие существенным образом зависит от научных сообществ и отдельных изобретателей).

Современная ситуация научно-технологического развития применительно к методологии и формам правового воздействия требует не революционного разрыва (отрицания прошлого) и не простой пролонгации, экстраполирования существующих (известных) тенденций, а формирования особого проективно-адаптивного режима, который: а) сохраняет связь с прошлым через фундаментальные принципы и ценности, служащие темпоральными инвари-

⁴ Пржиленский В. И. История и философия науки. М. : Норма, Инфра-М, 2025. С. 206.

⁵ Загоскин Н. П. История права русского народа. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1899. Т. 1. С. 11.

⁶ Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 24.

антами; б) учитывает настоящее через синхронное регулирование текущих технологических практик; в) конструирует будущее посредством правильно понимаемого опережающего регулирования.

Вопрос о возможности опережающего регулирования требует уточнения его онтологического статуса. Опережающее регулирование не следует понимать как предугадывание будущих общественных отношений и их преждевременную регламентацию. Такой подход был бы онтологически некорректным, поскольку право не может регулировать то, чего еще не существует в социальной реальности. Опережающее регулирование в любом случае мыслимо не как регулирование будущих отношений, но только как регулирование настоящего применительно к будущему, а это означает, что право сегодня определяет границы, процедуры и условия для технологических практик, которые могут возникнуть завтра. Право не предписывает (и не в состоянии предписать), каким именно будет технологическое будущее, но оно может и должно предусматривать, какие варианты будущего (в научно-технологическом измерении) допустимы, а какие исключаются как несовместимые с основами правопорядка. Соответственно, опережающий характер правового регулирования, его перспективность, реализуется не через гипотетические нормы о еще не существующих отношениях (объектах), а путем установления режимных параметров, внутри которых технологическое развитие может осуществляться сообразно собственным закономерностям. Иными словами, право призвано конструировать будущее через создание гибких регулятивных рамок, способных вместить разные модели, сценарии технологического развития, что и является опережающим регулированием в уточненном смысле.

Если говорить о реализации опережающего регулирования, то можно обозначить прежде всего следующий комплекс взаимосвязанных инструментов:

1) сценарное правотворчество, предполагающее формирование пакета альтернативных правовых режимов, которые активируются в зависимости от того, по какому сценарию пойдет технологическое развитие, что позволяет праву актуализироваться вместе с технологией, не запаздывая, но и не блокируя развитие преждевременными запретами;

2) экспериментальные (пилотные) правовые режимы, позволяющие в ограниченном

пространственном, временном и субъектном составе тестировать создание и реализацию новых технологий и сопутствующих правовых моделей, что создает временной и пространственный буфер, где право и технология взаимно адаптируются в режиме реального эксперимента без риска для всей социально-правовой системы;

3) специальные адаптивные нормативные конструкции (открытые и оценочные понятия, динамические отсылки к техническим стандартам и т.п.), которые сохраняют регуляторный потенциал при изменении социально-технологической практики;

4) нормативно-ревизионные процедуры, обеспечивающие обязательный пересмотр нормативных требований по истечении определенного срока или при наступлении конкретных технологических событий, что легализует устаревание нормы, превращая его из недостатка правотворчества в элемент механизма планового обновления.

В условиях ускорения технологических изменений особую роль приобретают элементы правовой системы, обеспечивающие целостность, системное единство правопорядка и обладающие повышенной темпоральной устойчивостью: правовые принципы, ценности, цели. Так, правовые принципы и ценности, выражающие исторически сложившийся и социокультурно обусловленный идейный базис (идентичность) общества, имеют высокую степень временной инвариативности, что позволяет им служить отправными критериями оценки любых технологических новаций. При столкновении с принципиально новым феноменом (например, автономными системами принятия решений) право на основе фундаментальных метаюридических категорий позволяет оценить приемлемость, допустимость технологического решения (практики), в частности с точки зрения соблюдения достоинства человека и принципа справедливого распределения благ. Правовые принципы и ценности служат не морально-политическими декларациями, а регулятивными темпоральными мостами между прошлым (устоявшейся системой ценностей) и будущим (новыми технологическими возможностями), не подменяют непосредственное текущее регулирование, но задают систему координат, в которой оно должно формироваться и осуществляться, а также позволяют находить обоснованные интерпретационные решения в рамках судебно-юрисдикционных механизмов, сталкивающихся с новой

техносоциальной реальностью в условиях проблемности, фрагментарности, противоречивости позитивного права. Законодатель сознательно включает в законы общие юридические нормы (нормы-принципы), а суды под видом толкования развивают правовую систему⁷.

В контексте темпоральной адаптации права к научно-технологическому развитию могут быть востребованы также правовые фикции, но их применение требует особой осторожности. Так, использование фикции для признания искусственного интеллекта субъектом права, хотя и упрощало бы некоторые правоотношения, несет в себе риски размывания фундаментальной категории правосубъектности. Следует согласиться, что онтологически и прагматически предпочтительно конструировать правовое положение искусственного интеллекта исходя единственно из обеспечения безусловной безопасности и эффективной ответственности за ущерб, причиненный при использовании этой технологии⁸. Вместе с тем правовая фикция оправдана в тех случаях, когда технологическое явление в силу радикальной новизны не поддается регулированию через аналогию, но требует безотлагательного включения в правовое поле.

Осмысление пространственных аспектов правовой онтологии научно-технологического развития органически сопряжено с темпоральными факторами и не может быть в отрыве от них. Императив сохранения научного потенциала, закрепленный в п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, охватывающий такие ключевые аспекты, как воспроизводство, удержание и привлечение (возвращение) научных кадров, сохранение и развитие научной инфраструктуры, обеспечение преемственности научных знаний, правовая защита научной деятельности и институциональная стабильность, имеет отчетливо выраженное территориальное измерение. Сохранение научно-технологического потенциала в сложившихся компактно-территориальных формах его организации представляет собой не дань мемориально-символической политике и не ритуальное почитание традиции, а отражение глубокого понимания того фундаментального обстоятельства, что преемственность выступает необходимым условием планомерного научного развития, которое со временем неиз-

бежно обретает собственную уникальную географию. Действовать здесь по принципу *tabula rasa*, делая ставку на стратегические инновации с нуля в ущерб сложившимся формам научной локализации, прежде всего наукоградом, было бы не только расточительно, но и стратегически рискованно.

Концепция развития научных территорий с чистого листа, противопоставляемая преемственному развитию, обосновывается, как правило, утилитарными аргументами. Среди них сравнительно высокие издержки на модернизацию устаревшей инфраструктуры, возможности привлечения нового поколения исследователей без необходимости преодолевать инерцию сложившихся структур и ортодоксальный менталитет, перспективы внедрения новых моделей управления, создание образа динамичного будущего и символический разрыв с архаикой. Есть и более глубокие основания такого подхода, корнящиеся в устойчивых, хотя и не всегда рефлекслируемых, представлениях, в частности о том, что развитие науки и технологий — это прерогатива крупных городов и мегаполисов и что для успешного функционирования научно-исследовательских и инженерных центров, даже расположенных в малых и средних городах, не требуется каких-либо особых мер по развитию территорий их размещения — достаточно общих механизмов территориального развития.

Развитие в парадигме научно-территориальной преемственности является, однако, не просто конституционно оправданным, но и социально необходимым. Локально-социальная концентрация научных, образовательных и наукоемких производственно-технологических факторов сама по себе дает неоспоримое конкурентное преимущество. История достигнутых успехов, сформировавшийся культ науки и технологий («намоленные места» не в метафорическом, а социально-психологическом смысле), особая интеллектуальная атмосфера, свойственная научным и инженерным городкам, высокий уровень развития городской среды — всё это выступает неперенным условием устойчивого развития территорий с высоким научно-технологическим потенциалом. С прагматических позиций соблюдение преемственности предопределяется как мини-

⁷ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма, Инфра-М, 2013. С. 20.

⁸ Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2026. С. 118.

мум следующими факторами: наличием уже существующей социальной и инженерной инфраструктуры для науки, воссоздание которой с нуля потребовало бы колоссальных и часто неподъемных затрат; сохранением уникального человеческого капитала, включая не только кадровый состав, но и незримую среду, традиции научных школ и неявные, неформализованные знания, передаваемые от учителя к ученику, т.е. живую научную культуру; риском безвозвратной утраты сложившихся форм научной и научно-производственной кооперации; потерей мест национальной научной гордости и идентичности, имеющих огромную ценность не только для отечественной, но и для мировой научной общности.

Впрочем, сказанное, при всей значимости, не исчерпывает существа проблемы. Качество научного развития в значительной степени имеет ценностно-мировоззренческую основу и обусловлено укорененным чувством принадлежности к великому наследию, стремлением соответствовать ему и в конечном счете превзойти. Желание начинать с чистого листа в ущерб преемственности представляет собой стратегическую ошибку, поскольку означает добровольный отказ от интеллектуального наследия, воплощенного в территориальных формах научно-социальной жизни. Нематериальные факторы научно-технологического прогресса: ценности, мотивация, интеллектуальная воля, как убедительно свидетельствуют переломные этапы отечественной истории, нередко сопряженные с экстремальным материальным дефицитом, имеют огромное, подчас решающее, значение. Именно на этой основе формируется научный патриотизм, неотделимый от осознания социально-культурной и исторической общности и подкрепляемый особой психологической атмосферой и архитектурной средой.

Принципиально важна правильная постановка вопроса: не ложная альтернатива между преемственностью и развитием с чистого листа, а необходимость сбалансированного сочетания и органического сопряжения исторически сложившихся и новых организационных и территориальных форм институционализации научной деятельности на основе «перезапуска» исторических научных территорий. Сохранение без перезагрузки — это неизбежный путь в музей, консервация и угасание. Но перезагрузка без опоры на наследие — это путь национального самоотчуждения, принятия на себя неприем-

лемо высоких рисков и неоправданной потери времени, которого у нас нет.

Выстраивание пространственно-правовой онтологии научно-технологического развития требует преодоления радикальной территориальной асимметрии, но не путем схематичного, формального выравнивания, а путем объективно обоснованной дифференциации, в частности предполагающей признание особого пространственно-правового статуса и режима функционирования наукоградов и территорий с высокой концентрацией научно-технологического потенциала, не сводимых к ординарным формам (видам) публично-территориальных образований. Наличие такого статуса и режима должно предполагать введение особых форм согласованного управления, включающего в себя федеральные, региональные и местные институциональные элементы, а также представителей научного сообщества.

В пространственно-онтологическом правовом измерении научно-технологического развития исключительно важным является понимание того, что в свете стратегических национальных приоритетов и задач кооперация ценнее конкуренции. Речь не идет о субстантивном отрицании роли конкуренции в данной сфере, которая не только объективно неустранима, но и крайне важна, если иметь в виду соперничество за качество исследований, лучшие идеи и таланты. Но кооперация необходима и предпочтительна на уровне стратегического целеполагания, распределения функций, использования инфраструктуры.

Конкуренция территорий, будучи в некоторых сферах экономической активности естественным и даже результативным механизмом, в области стратегических научно-технологических приоритетов обнаруживает ограниченность и контрпродуктивность. Когда территории вступают в конкурентную борьбу за ограниченные ресурсы — будь то федеральное финансирование, привлечение высококвалифицированных кадров или обретение специального статуса, — неизбежно появляется дополнительный фактор фрагментации единого научного пространства. Средства могут распределяться не по принципу максимальной эффективности для решения общегосударственных задач, а в зависимости от посторонних факторов.

Возникает порочная практика дублирования одних и тех же исследовательских направлений и технологических разработок в нескольких территориальных единицах, каждая из которых

стремится создать у себя полный цикл, вместо того чтобы развивать уникальные компетенции и встраиваться в общенациональную кооперационную сеть. Такая конкуренция не просто ведет к нерациональному расходованию бюджетных средств, но и углубляет пространственную асимметрию: обладающие ресурсами влияния территории оказываются в беспроигрышной позиции, в то время как потенциально перспективные, но менее влиятельные остаются на периферии научно-технологического развития, что в конечном счете ослабляет целостность и совокупную мощь национального научно-технологического потенциала. Природа научного познания и технологического творчества такова, что наиболее значимые прорывы совершаются не в изоляции, а на стыке дисциплин, в общении и обмене идеями между разными школами и подходами, что делает конкуренцию, если понимать ее как обособление и противопоставление (а именно так нередко и происходит в реальной практике), методологически контрпродуктивной. Кооперация, напротив, основываясь на функциональной специализации территорий и их осмысленном взаимодействии, позволяет преодолеть эту фрагментацию.

Функционально специализированное, распределенно выстроенное научно-технологическое развитие, предполагающее территориальную дифференциацию научных и технологических задач посредством стимулирования и координации, обеспечивает не только эффективную консолидацию разрозненных потенциалов, но и научно-технологическую «сцепку» государственно-политического единства. При этом кооперативная модель создает условия для масштабирования идей и решений: успешная разработка, созданная в одном регионе, при наличии кооперационных связей может быть быстро адаптирована, тиражирована и внедрена в других регионах, тогда как конкурентная модель ориентирует на изобретение собственного «уникального» велосипеда. Наконец, следует учитывать, что в условиях санкционного давления и необходимости достижения технологического лидерства научно-технологическая политика должна быть ориентирована на консолидацию усилий, а не

на их распыление в межрегиональной борьбе за приоритеты. Право в этой ситуации призвано сыграть ключевую роль, создавая институциональные механизмы, которые делают кооперацию не просто морально одобряемой, но и экономически и административно выгодной для всех участников (софинансирование межрегиональных проектов, развитие правовых форм консорциумного типа, налоговые стимулы для кооперационных связей, приоритет в распределении бюджетных средств для сетевых инициатив и т.п.).

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что пространственно-временная юридическая онтология научно-технологического развития требует *новой методологии правоведения*, основанной на междисциплинарных подходах и категориях проективности, адаптивности, кооперации и позволяющей преодолевать ретроспективность и индивидуализм юридической мысли. Перспективным направлением является разработка *динамических правовых режимов*, способных к самомодификации в ответ на изменение технологических условий при сохранении аксиологических рамок. Такие режимы предполагают *процедурную конкретизацию* принципов, регулярный пересмотр норм, институционализированный диалог заинтересованных сторон. Юридическая онтология научно-технологического развития должна стать *основой конкретной правовой политики*, а не абстрактной метатеорией, что требует организационного оформления соответствующих функциональных задач в области пространственно-временного проектирования и развития междисциплинарной правовой экспертизы. В конечном счете пространственно-временная юридическая онтология научно-технологического развития направлена на обеспечение *суверенитета России как способности к самоопределению в условиях технологической экспансии* — не изоляции, но активного, ценностно ориентированного участия в мировом научно-технологическом развитии на основе рациональной организации собственного пространства-времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелин Р. В., Чанов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. 280 с.
Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.
Загоскин Н. П. История права русского народа. Т. 1. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1899. 512 с.
Пржиленский В. И. История и философия науки. М. : Норма, Инфра-М, 2025. 296 с.
Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2025. 168 с.
Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2026. 144 с.
Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023. 176 с.
Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 20–28.

REFERENCES

- Amelin RV, Chanov SE. Evolution of Law under the Influence of Digital Technology. Moscow: Norma Publ.; 2025. (In Russ.).
Gadzhiev GA. Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
Halfina RO. Criterion of truth in legal science. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1974;9:20-28. (In Russ.).
Khabrieva TYa, Chernogor NN. Future of law. The legacy of academician V. S. Stepin and legal science. Moscow: Russian Academy of Sciences; IZiSP under the Government of the Russian Federation; Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
Khabrieva TYa. Law in the realities of the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
Khabrieva TYa. Legal essays on the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2026. (In Russ.).
Przhilenskiy VI. History and philosophy of science. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
Zagoskin NP. History of the law of the Russian people. Vol. 1. 512 p. Kazan: Imperial University Publ.; 1899. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
svkabyшев@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Chair of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svkabyшев@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 10 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 11 марта 2026 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.*

*Received 10.03.2025.
Revised 11.03.2026.
Accepted 15.03.2026.*